

*Гуревич Э.М.
ИВ РАН*

ПАРТИЯ НАРОДНОГО ДЕЙСТВИЯ СИНГАПУРА: 50 ЛЕТ У ВЛАСТИ

В 2009 г. Сингапур отметил 50-ю годовщину прихода к власти Партии Народного действия в 1959 г., когда он получил статус «самоуправляющегося государства». За десятилетия ее бессменного и фактически монопольного правления город-государство достиг без преувеличения триумфальных успехов, которые превратили бывший британский форпост в ЮВА в одно из самых процветающих государств мира. За прошедшие полвека Сингапур сумел стать глобальным центром финансовой, деловой и производственной активности, обеспечить своим гражданам один из самых высоких уровней жизни в ЮВВА (около 30 тыс. долл. США) и совершить гигантский скачок из «третьего» мира в «первый».

Экономический расцвет страны стал возможен во многом благодаря той политико-экономической модели, которая сложилась там за годы независимости. Это далеко не совершенная, но демонстрирующая свою эффективность и устойчивость система, для которой характерны следующие черты: централизация власти; опора, при сохранении партийного плюрализма, на правящую ПНД и сильную исполнительную власть; высокий уровень персонализации в политике; регламентация внутривнутриполитической жизни, основанная на законодательной базе; сохранение действия (начиная с 1948 г.) закона о внутренней безопасности, который позволяет задерживать граждан на неопределенный срок, без судебных санкций, а также контролировать деятельность оппозиции.

Важно подчеркнуть, что эта авторитарно-этатистская по сути политическая система утверждалась при сохранении форм и механизмов западной парламентской демократии. Но, именно эта «смешанная» или «селективная» модель политического устройства общества позволила властям добиться массового признания не только силой и устрашением своих политических противников, но реальными достижениями в экономике,

разумным сочетанием создания оптимальных условий для укрепления позиций местной буржуазии с удовлетворением насущных потребностей широких масс населения. Экономическая модернизация осуществлялась не в ущерб, а параллельно с повышением уровня жизни и качественным улучшением социально значимой сферы: образование, здравоохранение, строительство доступного жилья и т.д., что дало возможность избежать открытых социальных конфликтов и сохранять политическую стабильность.

Укреплению массовой базы режима способствовал и тот факт, что в основу государственного управления при доминировании китайского населения был положен принцип «многонациональности» и создания «сингапурской идентичности» на базе китайского, малайского и индийского этносов. В политической практике фактически утвердилась концепция меритократического общества, где действует принцип продвижения на руководящие посты наиболее талантливых и квалифицированных людей независимо от их этноконфессиональной принадлежности и социального статуса.

В ряду функциональных признаков, определяющих специфику этой политико-экономической модели, следует особо подчеркнуть новую и важную роль государства как политического центра, определяющего стратегию развития. Необходимость консолидировать мозаичное общество иммигрантов и мобилизовать все ресурсы на форсированное экономическое развитие повлекло за собой расширение границ деятельности государства. На протяжении четырех с половиной десятилетий оно оставалось главной регулирующей силой в экономической, политической, социальной и культурно-идеологической сферах, строительстве гражданского общества, в ускорении или замедлении демократических преобразований. Более того, по мере возрастания участия государственного сектора в развитии материального производства в итоге превратило его в крупного собственника, в руках которого сконцентрировались обширные финансовые, материальные и трудовые ресурсы. Следует при этом заметить, что в первые годы независимости, когда местный бизнес по традиции занимался торгово-посреднической деятельностью, государство фактически взяло на себя функции

местной буржуазии как в осуществлении планов индустриализации, так и в качестве партнера иностранного капитала. Успешное функционирование государственного сектора дало правительству экономические рычаги, позволившие установить пределы влияния на него крупного бизнеса и укрепить самостоятельность правящей элиты.

Существенную роль в оформлении авторитарно-элитарной системы власти сыграли особенности традиционной, конфуцианской, политической культуры, учитывая, что этнические китайцы составляли 76% населения страны. В контексте Сингапура этот фактор приобрел особое значение. С одной стороны, именно эта традиция, тяготеющая к авторитарной власти, сильному лидеру и патронату государства над личностью способствовала сохранению авторитарных начал в общественно-политической жизни города-государства. С другой стороны, одним из главных факторов, обусловивших быстрый экономический расцвет Сингапура, обычно считают его принадлежность к «конфуцианскому ареалу». Действительно, выработанные под воздействием конфуцианской этики дисциплинированность, трудолюбие, престиж образования, стремление к консенсусу и социальному миру в рациональном сочетании с передовым опытом, знаниями, технологиями и капиталами ведущих стран Запада не только придали самобытный облик модели развития города-государства, но и внесли значительный вклад в реализацию общей стратегии развития.

Во многом в силу вышеизложенных главных, но далеко не единственных причин Сингапур – этот высокоразвитый глобальный центр пока не стал «оазисом» демократии и либерализма.

И все же, власть ПНД имеет свои естественные ограничители. Главный фактор сдерживания исходит от самого общества. Правящей верхушке приходится считаться с глубокой трансформацией, которую претерпело сингапурское общество, вступившее в XXI, по сравнению с предыдущим периодом безоговорочной власти ПНД. На фоне экономического процветания, беспрецедентного образовательного бума (уровень грамотности 93%), широкого доступа к информации, в том числе и через Интернет, усиливались требования сингапурцев о расши-

рении политического пространства, представительном и открытом правительстве, об отходе от сверхрегулируемого общества. И хотя ПНД все еще пользуется широкой поддержкой сингапурцев, она не может не учитывать повторяющиеся от выборов к выборам 25–30% голосов протестного электората, который демонстрирует свое несогласие с общим стилем руководства страной лидерами ПНД и с отдельными проявлениями их политики. Правящая элита отдает себе отчет, что Сингапур слишком глубоко втянулся в процесс глобализации, который требует не только экономической, но и политической модернизации, а потому возвращение к прежней жесткой авторитарной модели власти вряд ли принесло бы те же позитивные результаты, что и на начальном этапе государственного строительства. Конечно, ПНД продолжала контролировать общество. Но наряду с этим система сохраняла партийный плюрализм, создавала механизмы двусторонних связей между правительством и населением. Сама власть стала проявлять больше толерантности в отношении своих политических оппонентов. Так, в июне 1990 г. были освобождены все политзаключенные.

Все эти новации, тем не менее, не означали коренного преобразования утвердившейся модели власти. Позиции ПНД при всех указанных выше тенденциях, оставались прочными и незыблемыми. Прагматичные сингапурцы не без основания полагали, что у власти достаточно компетентности, опыта и необходимых ресурсов, чтобы преодолеть трудности на пути дальнейшего развития страны. Руководство ПНД успешно выполняло социальный договор: обеспечило своим гражданам материальное благополучие и процветание, политическую стабильность и безопасность, а взамен получило их доверие и лояльность.

В таких условиях политическое пространство для деятельности оппозиции оставалось существенно ограниченным. Оппозиционные партии находились на периферии политической системы и не оказывали влияния на ее функционирование.

Пятидесятилетнее непрерывное пребывание ПНД у власти – явление уникальное в современном мире.

Однако новые времена несут с собой новые вызовы и испытания на прочность ПНД и ее лидерам. Как страна с самой

глобализированной экономикой в мире Сингапур чрезвычайно уязвим и зависим от внешнего фактора. Разразившийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис ощутимо сказался на хозяйстве страны и начало 2009 г. также не вселяло оптимизма. События развивались гораздо хуже, чем можно было предположить. К февралю 2009 г. ВВП упал до небывало низкой для сингапурской экономики отметки в -10%. Существенно сократился объем внешней торговли, прежде всего с главными торговыми партнерами Сингапура – странами ЕС и США – на 10,6% и 21,7% соответственно. С октября 2008 г. морские грузоперевозки в Китай снизились на 6,5%¹.

В списке журнала «Форбс» за 2009 г., в который были включены 200 компаний азиатско-тихоокеанского региона с доходами до 1 млрд. ам. долл. вошли только 5 сингапурских компаний по сравнению с 14 в 2008 г.². Снижение темпов экономического развития неизбежно повлекло за собой ухудшение ситуации на рынке труда: безработица к концу 2009 г. составила 5% (самый высокий уровень за последние пять лет)³. Большинство безработных, независимо от уровня их образования, не могли найти работу более шести месяцев, что грозило возникновением хронической безработицы. Особую тревогу правящих кругов вызывало растущее число оставшихся без работы среди 30 – 40-летних образованных сингапурцев, включая и обладателей университетских дипломов. С начала кризиса их общее количество увеличилось с 9.600 до 18.400 человек, а среди выпускников университетов с 1.600 до 4.700 человек⁴.

Кризисная ситуация в экономике, масштабная по меркам Сингапура, безработица и как следствие снижение уровня заработной платы – все это чрезвычайно обострило проблему углубляющегося в обществе социального расслоения. Расширяющаяся пропасть между имущими и неимущими, когда доходы 20% богатых многократно превышали доходы 20% беднейших слоев населения вызывала обоснованную озабоченность руководства страны. Понятно, что в условиях кризиса, самого тяжелого за весь период независимости, доходы упали у большинства населения. Но больнее всего он ударил по малообеспеченным семьям. Взлетели цены на коммунальные услуги, проезд в городском транспорте, на продукты и товары пер-

вой необходимости. К началу 2009 г. инфляция достигла 7,1% – самого высокого уровня за последние 26 лет. В итоге доходы беднейших слоев упали вдвое по сравнению с более обеспеченными группами населения⁵. В то же время, по данным журнала «Форбс», размеры совокупного капитала 40 сингапурских магнатов увеличились с 32 млрд. до 39 млрд. долл. США. Возглавил этот список владелец недвижимости 81-летний Нг Тенг Фонг, состояние которого выросло с 7 млрд. (2008 г.) до 8 млрд. долл. США (2009 г.)⁶.

Упреждая опасность социального взрыва, правительство выделило 20,5 млрд. ам. долл. на осуществление социальной программы поддержки населения, в первую очередь его беднейших слоев. Был снижен подоходный налог семьям, имеющим на попечении детей и престарелых родителей, предоставлены субсидии на оплату жилья, медицинских услуг, внесены дополнительные вклады в Центральный сберегательный фонд на счета сингапурцев в возрасте 50–70 лет, оказана материальная помощь детям из мало- и среднеобеспеченных семей на оплату обучения в средних и высших учебных заведениях⁷. В 2009 г. была запущена государственная программа по сохранению рабочих мест, в соответствии с которой правительство взяло на себя расходы по субсидированию заработной платы местных рабочих на время их переподготовки. В рамках этой программы курсы обучения и повышения квалификации прошли 264 тыс. человек⁸. Принятые правительством меры помогли компаниям избежать массовых увольнений и в итоге сдержать рост безработицы.

С начала 2010 г. на фоне ослабления кризисных явлений в мировой экономике стали появляться отчетливые признаки того, что Сингапур прошел пик экономического шторма и начал выходить из рецессии. К середине года в производственном секторе, который составляет четверть сингапурской экономики, объем выпускаемой продукции увеличился на 39,4%, по сравнению с 12,4% за тот же период 2009 г.⁹, чему способствовал возросший спрос на полупроводниковые чипы и продукцию биотехнологической отрасли. Подъем демонстрировали строительный сектор и сфера услуг. В первом полугодии экономический рост составил 17,5%, было создано более 60 тыс. рабочих

мест¹⁰. Главным стимулятором улучшения положения на рынке труда стал ввод в эксплуатацию двух интегрированных зон отдыха с расположенными там отелями, торговыми и развлекательными центрами. Безработица снизилась до 3,3%¹¹ и уже носила не столько кризисный, сколько структурный характер в связи с начавшимися преобразованиями в хозяйстве страны. Запуск производственных мощностей привел к нехватке рабочих кадров в некоторых отраслях и в результате к повышению заработной платы. Лидерами в этом плане выступили фармацевтическая, обрабатывающая и нефтегазовая промышленность.

На этом благоприятном фоне начавшегося восстановления экономики, руководство страны тем не менее, учитывая риски, связанные с обострением противоречий в глобальной финансовой системе, призвало своих граждан придерживаться «осторожного оптимизма». Сингапур вряд ли в ближайшее время сумеет вернуться к 5%-му уровню экономического роста, который наблюдался в докризисные годы, предупреждал премьер-министр Ли Сянь Лунг. «Мы должны признать, что сейчас экономически мы более развиты, чем 10–15 лет назад, но мы не можем развиваться также быстро, как и прежде», – подчеркивал премьер¹², подразумевая не только уязвимость города-государства в связи с возникновением неблагоприятных внешних факторов. Серьезным препятствием тому становились малая территория и немногочисленные трудовые ресурсы, дефицит которых в последние десятилетия восполнялся за счет привлечения в страну иностранной рабочей силы. Преодоление естественных ограничителей роста приобретало жизненно важное значение для дальнейшего развития страны. С этой целью была разработана новая стратегия экономического роста.

В отличие от предыдущей экономической модели, в которой основной упор был сделан на необходимости поддержания роста любой ценой, теперь ускорение темпов экономического развития ставилось в прямую зависимость от повышения производительности труда.

Изменения приоритетов в новой модели были продиктованы не только необходимостью скорейшего вывода страны из рецессии. Как отмечали многие эксперты, экономический рост

последних лет поддерживался не столько улучшением профессиональной подготовки сингапурцев, сколько за счет широкого притока на местный рынок труда иностранной рабочей силы. Принятая правительством Сингапура либеральная иммиграционная политика в результате привела к усилению зависимости экономики страны от рабочих-мигрантов и, как следствие, к замедлению очень важного для повышения производительности труда процесса – создания капиталоемкого производства. Образовался своего рода порочный круг, когда наличие дешевой иностранной силы избавляло предпринимателей от необходимости вкладывать капитал в обучение и привлечение более дорогостоящих и избирательных сингапурцев. В итоге, предпочтение, которое отдавалось дешевой, но в основном неквалифицированной рабочей силе привело к существенному снижению производительности труда несмотря на то, что Сингапур продолжал демонстрировать бурный экономический рост. Если в 1990-х годах уровень производительности составлял 3,4%, то начиная с 2000 г., он уже не поднимался выше 1,1%¹³. По этому показателю Сингапур отставал не только от США и Японии, но и от «азиатских тигров» – Гонконга, Ю.Кореи и Тайваня.

Поэтому главная цель новой стратегии состояла в том, чтобы в течение ближайших десяти лет добиться ежегодного повышения производительности труда на 2–3%¹⁴. Реализация новой модели экономического роста, по мысли ее разработчиков, позволит: во-первых, усилить конкурентоспособность Сингапура на мировом рынке; во-вторых, сохранить свое лидерство как развитого государства в быстроразвивающейся ЮВА, что даст возможность осуществить мягкую реструктуризацию собственной экономики, перенося свои менее конкурентоспособные компании в страны региона с более дешевой рабочей силой, как, например, Вьетнам; в-третьих, преодолеть свою зависимость от трудовых мигрантов; и, наконец, в-четвертых, существенно повысить заработную плату и качество жизни всех сингапурцев.

На осуществление заявленных планов из бюджета 2010 г. на ближайшие пять лет было выделено 7,7 млрд. синг. долл. Из них 5,5 млрд. предназначалось на программу повышения про-

изводительности труда через создание первоклассной системы непрерывного обучения и совершенствование профессиональных навыков рабочих кадров, а 1,5 млрд. синг.долл. направлялись на развитие научно-технической базы. Для координации действий в этом процессе между государственными и частными ведомствами и организациями был создан Национальный Совет по производительности труда и непрерывному обучению (National Productivity and Continuing Education Council) под председательством заместителя премьер-министра Тео Чи Хи-на. В состав Совета вошли также представители деловых кругов и рабочих¹⁵.

Для стимулирования бизнеса, помимо грантов, которые будет выдавать недавно созданный Национальный фонд поддержки производительности труда (National Productivity Fund), правительство намерено пойти на беспрецедентное 250% снижение налогов на все капиталовложения, сделанные в инновационные технологии, научные разработки или переобучение рабочих¹⁶.

По предложению вновь созданного Совета были определены 12 ключевых секторов экономики, которые должны придать ускорение общенациональному движению за повышение производительности труда и созданию инновационной экономики. В эту группу вошли: строительство, производство электронной техники, точное машиностроение, транспортное машиностроение, обрабатывающая промышленность; гостиничный комплекс, розничная торговля, пищевая промышленность, здравоохранение, информационно-коммуникационный сектор, логистика, административно-хозяйственный сектор¹⁷.

В своем новогоднем обращении к согражданам премьер-министр Ли Сянь Лунг подчеркнул, что достижение поставленных целей возможно только усилиями всего общества. Так, сингапурские предприниматели должны не только модернизировать свой бизнес, но и активнее осваивать новые территории и рынки сбыта своей продукции, руководствуясь при этом девизом «Дешевле, лучше, быстрее». Только в этом случае, по мнению премьера, Сингапур сохранит высокую конкурентоспособность своей экономики. Что же касается рабочих, то они должны быть психологически готовы к тому, чтобы постоянно

повышать уровень своего образования и квалификации. «Это марафон без финиша», – сказал Ли Сянь Лунг¹⁸. И, как говорилось выше, правительство прилагает большие средства и усилия к тому, чтобы число участников этого «марафона» нарастало. Уже сейчас в стране функционирует более 50 центров непрерывного обучения. В проекте строительство двух крупных учебных комплексов непосредственно на территориях промышленных зон.

Сингапур, безусловно, пережил трудные времена и потребует немало усилий, чтобы ликвидировать последствия кризиса и подготовиться к неизбежным в становящемся все более взаимозависимом мире новым вызовам и угрозам. Для этого у города-государства есть мощный экономический потенциал, накопленный за годы независимости, мировой репутационный имидж, который позволил ему даже в кризисных условиях развивать новейшие виды экономической деятельности. Сингапур, например, стал серьезным производителем игровых программ, разработчиком новых технологий световых эффектов, компьютерной графики. Быстро развивались биотехнологическая и фармацевтическая отрасли¹⁹. По оценкам международных рейтинговых агентств (в частности, агентства Блумберга), Сингапур уже на протяжении ряда лет занимает самые высокие позиции, как страна с наиболее благоприятной инвестиционной политикой и лучшими в Азии условиями для ведения бизнеса²⁰. По конкурентоспособности в 2009 г. он занимал третье место после Швейцарии и США, опередив такие страны, как Швеция и Дания²¹. Все это, с нашей точки зрения, является лишним доказательством того, что несмотря на потрясения 2008 – 2009 гг. положение в экономике далеко от катастрофического. Судя по старту, который взяла экономика в 2010 г. правящая ПНД в очередной раз за 50 лет нахождения у власти доказала, что ее лидеры обладают высокой компетентностью, опытом и политической волей, чтобы вывести страну из экономического кризиса.

Тем не менее, кризис такого масштаба не мог не сказаться на внутривнутриполитической ситуации, четко обозначив ряд назревших и весьма болезненных для общества проблем. Несмотря на то, что на протяжении 45 лет независимости Сингапур практи-

чески не знал ни одного конфликта на этнорелигиозной почве, под давлением многих новых явлений как внешнего, так и внутреннего порядка, задача укрепления единства и сохранения социального мира как основы, на которой строится «сингапурская идентичность», вновь вышла на передний план политической жизни города-государства. И причина не только в том, что за прошедшие годы общество повзрослело, стало более структурированным и разобщенным. Суть вопроса в том, что по своему смыслу общесингапурское единство напрямую связано с ключевой идеологемой, утвердившейся в стране с момента обретения ею независимости и воплощенной в Национальной Клятве (National Pledge). Имеется в виду обращенный к жителям Сингапура призыв Клятвы стать «единым народом» независимо от этнической принадлежности, языка или вероисповедания». Однако периодически этот основной принцип государственной политики подвергается испытанию временем. На фоне глобального всплеска религиозности у правящей ПНД все большую тревогу стало вызывать ускорение процесса религиозной саморадикализации, обусловленной, не в последнюю очередь, бесконтрольным распространением через Интернет различных, включая и радикальные исламистские, вероучений. Для «китайского» Сингапура, расположенного в центре малайского, в основном мусульманского, мира последний фактор является весьма тревожным сигналом. Новые веяния, с точки зрения властей, были чреваты осложнением межконфессиональных отношений и дестабилизацией положения в стране. Как свидетельствовали местные СМИ, между представителями разных вероисповеданий участились случаи проявления агрессивности, нетерпимости, наметилась тенденция к самоизоляции от общества некоторых религиозных групп. На страницах местных газет, например, прошло сообщение о супружеской паре, тайно распространявшей якобы христианские трактаты, оскорбительные для других религиозных общин и даже для католиков. Правда, на основании принятого еще в 1990 г. Закона о религиозной гармонии и за разжигание религиозной розни супруги были арестованы и заключены в тюрьму²². Приводились и не столь экстремальные, но не менее шокирующие для толерантного в целом сингапурского общества примеры, когда религи-

озные фанатики пытаются насильно обратить в иную веру тяжело больных и беспомощных людей. Наиболее точно позицию руководства страны по отношению к возникшей ситуации определил премьер-министр Ли Сянь Лунг, когда в одном из своих выступлений он сместил акценты, заявив, что для Сингапура религиозные противоречия могут иметь более катастрофические последствия, чем социальное неравенство или расхождения между коренными сингапурцами и постоянно проживающими в стране иностранцами. Ли Сянь Лунг призвал всех религиозных лидеров помочь своим прихожанам понять, что, следуя своим верованиям, они должны помнить о поликонфессиональном характере сингапурского общества, жизненное пространство которого ограничено пределами города-государства²³.

Космополитичные и прагматичные сингапурцы, привыкшие жить в мирном и процветающем обществе, в основном заняты своими повседневными проблемами, бизнесом, образованием и т.д. Но, когда дело доходит до вопросов этнического или религиозного характера реальность такова, что на первый план вышли не столько соображениями здравого смысла, сколько всплески эмоций. Не случайно, выступая на митинге по случаю ежегодного празднования 9 мая Национального Дня (National Day), Ли Сянь Лунг счел необходимым снова напомнить всем, что Сингапур является светским государством и заверить конфессиональные организации, что никакое лоббирование не изменит установленные в стране нормы. Согласно последним, религия не должна вмешиваться в политику, а вся образовательная система строится на основе интегральной школы, где обучаются дети различных вероисповеданий. Это жесткое правило распространяется и на все миссионерские учебные заведения. К примеру, в школе Католического братства, известной под названием институт Святого Иосифа (St Joseph's Institution), учатся не только дети католиков, но и представители других религиозных направлений, включая значительное число малайцев-мусульман²⁴. Как лидер правящей ПНД, Ли Сянь Лунг подчеркнул, что, в свою очередь, партия, понимая всю меру ответственности, которую она несет перед обществом за сохранение мира и укрепление общесингапур-

ского единства, всегда настойчиво требовала и от своих членов в их общественной деятельности не опираться исключительно на помощь своих единоверцев, а привлекать к ней представителей всех этнорелигиозных групп²⁵.

Можно, конечно, посчитать тревогу Ли Сянь Лунга некоторым сгущением красок. Но, о том, что не все спокойно в Сингапуре говорит и тот факт, что на 45-м году независимости вдруг возникла необходимость в уточнении трактовки указанного выше призыва Национальной Клятвы «стать единым народом».

Вопрос стал предметом жаркой дискуссии между министром-наставником Ли Куан Ю и одним из парламентариев, который в ходе обсуждения государственной политики в области «нациестроительства» призвал парламент подтвердить приверженность главной идее Клятвы, которая, с его точки зрения, подразумевает создание общества равноправных людей. Ли Куан Ю, который обычно присутствовал на заседаниях, но, как утверждала местная пресса, с 2007 г. в дебатах участия не принимал, на этот раз взял слово и «спустил парламент на землю». Для начала он напомнил о межнациональных конфликтах в середине 1960-х годов, когда писалась клятва, автором текста которой был его ближайший соратник С. Раджаратнам, занимавший в то время пост министра культуры. Поэтому, подчеркнул Ли Куан Ю, Клятву надо рассматривать как призыв к преодолению межэтнических противоречий. Конституция, заметил министр-наставник, предусматривает особое положение только малайцев, как коренных жителей острова и равные исходные возможности, а не равные права для всех этнических групп, проживающих в Сингапуре²⁶. О том, как выглядит это утверждение на практике, например, свидетельствуют существующие в сингапурской армии порядки, в определенной степени затрудняющие малайцам доступ к высшим офицерским чинам. Достаточно вспомнить одно из выступлений самого Ли Куан Ю, когда он публично подверг сомнению лояльность сингапурских малайцев, предположив, что в кризисной ситуации они могут действовать, осознавая себя более малайцами-мусульманами, а не сингапурцами. А потому назначение офицера-малайца командиром пулеметного взвода может обер-

нуты для всех большой трагедией²⁷. Не менее интересен и ответ, который дали представители сингапурских китайцев на предложенный во время проведения социологического исследования вопрос о том, готовы ли они к тому, чтобы премьер-министром Сингапура был не китаец, а представитель этнических меньшинств. Воспитанные сингапурцы ответили да, конечно, почему бы и нет. Но,.. не сейчас, когда-нибудь попозже²⁸.

Свою позицию в возникшей дискуссии определил и премьер-министр Ли Сянь Лунг. Так, отвечая на прозвучавшие предложения в целях установления действительного равноправия всех граждан страны убрать из удостоверения личности графу об этнической принадлежности премьер сказал: «Одна страна, абсолютно гомогенная, как кофе с молоком, я не думаю, что это произойдет в Сингапуре»²⁹. Еще точнее по этому поводу высказался министр-наставник Ли Куан Ю. «Чтобы достичь положения, когда все этнические группы могли бы быть равны Сингапуру потребуются десятилетия, если не столетия», – подчеркнул он. А потому, по мнению отца-основателя современного Сингапура, призыв Клятвы следует рассматривать не как идеологическую установку, а как желаемую, но трудно достижимую цель³⁰.

Сама по себе комплексная проблема укрепления «общесингапурского единства» и формирования на этой основе новой «сингапурской идентичности» продолжает усложняться в связи с широким притоком в страну трудовых мигрантов и иностранцев, получающих сингапурское гражданство. В 2009 г. численность проживавших в Сингапуре мигрантов составляла 1,68 млн. или треть всего населения 4,8 млн. человек. Из них 70% - рабочие-мигранты, остальные – постоянные резиденты³¹. Правительство мотивировало необходимость привлечения в страну дополнительных рабочих рук потребностями растущей экономики, которые было трудно обеспечить собственными весьма ограниченными трудовыми ресурсами в 1.8 млн. человек. Министр-наставник Ли Куан Ю прямо заявил, что «без иммигрантов Сингапур просто рухнет»³². Однако их нарастающий поток стал вызывать недовольство местных жителей.

Как показало исследование, в общем и целом сингапурцы понимали существующую в стране потребность в иностранных рабочих, но были не готовы принять их с распростертыми объятиями. «Они нам нужны, но не на моем заднем дворике», — так определила позицию рядового сингапурца газета *Sunday Times*³³. О настроениях, царящих в обществе, говорили и результаты опроса, в котором респондентам предлагалось выделить наиболее типичные черты, присущие иммигрантам из разных стран. Самые негативные оценки получили рабочие из КНР. 47% из 448 опрошенных сингапурцев сказали, что они трудолюбивые, но грубые и алчные. В отличие от китайских, рабочие из Индии, Малайзии и Филиппин были охарактеризованы как «трудолюбивые», «честные» и «сообразительные»³⁴. Ситуация осложняется и тем, что китайские мигранты, которые составляют большинство постоянных резидентов приезжают из бедных сельских районов Китая и не только не говорят по-английски, но плохо или совсем не понимают пекинского диалекта («мандарин»), на котором говорят сингапурские китайцы. Незнание английского языка характерно и для многих иммигрантов других этнических групп. Все это создает определенную полосу отчуждения и затрудняет их интеграцию в местное общество. Препятствием тому становится и очевидный антагонизм коренных сингапурцев, видящих в них конкурентов за рабочие места.

И все же, в ближайшее время правительство намерено продолжать либеральную, хотя и несколько ограниченную, миграционную политику, побуждаемое к тому неблагоприятной демографической ситуацией, которая сложилась в стране в последние годы: низкий уровень рождаемости и стареющее население.

По расчетам сингапурских экспертов, при сохранении нынешнего уровня ежегодной рождаемости 40 тыс. вместо 60 тыс. необходимых для естественного прироста населения его численность, которая в 2008 г. составляла 3,8 млн. человек, за ближайшие 30–40 лет может уменьшиться наполовину³⁵. Если этому наихудшему сценарию суждено сбыться, то у Сингапура нет иного выхода, как обеспечить прирост его населения за счет иммиграции, если учесть, что государственная политика в

этом вопросе предусматривает к 2070 г. довести его численность до 6,5 млн. человек. В таком случае, как показывают ориентировочные расчеты, Сингапuru придется принять 1,7 млн. новых граждан³⁶.

Как говорилось выше, их присутствие уже вызвало напряженность в обществе. Но, если произойдет такое мощное вливание, сумеет ли малочисленное население города-государства, ассимилировать сотни тысяч мигрантов или, наоборот «новые граждане», являясь носителями древнейших культурных устоев, разрушат еще неокрепшие этические нормы и ценностные установки городского общества, до недавнего времени, не знавшего исторического опыта собственной государственности. «Не хочу выглядеть паникером, — писал по этому поводу на страницах газеты Стрейтс Таймс (Straits Times) профессор Наньянского университета, — но меня преследует один и тот же ночной кошмар, что однажды мы окажемся чужими в нашей собственной стране»³⁷. Не менее остро стоит вопрос о распределении социальных услуг и общественных благ между мигрантами и коренными жителями, права на которые последние заработали ценой многолетнего и упорного труда.

По поводу сложившейся демографической ситуации в Сингапуре высказывается мнение, что она явилась следствием политики 1970-х годов, когда гражданам настойчиво внушали: «Двое детей – достаточно!». Тогда эта политика вполне себя оправдала. Ежегодный темп прироста населения в 1980-е годы упал до 1,1–1,2%, что позволило уменьшить давление структурно-возрастного фактора на рынок труда и таким образом решить острейшую для тех лет проблему безработицы. Однако, когда к началу 1990-х стали очевидны тенденции резкого старения населения на фоне низких темпов рождаемости, правительство Сингапура приняло решение о стимулировании и поддержке многодетных семей. Тем не менее предпринятые меры не оказали существенного позитивного влияния на общую демографическую картину. С нашей точки зрения, демографические проблемы, с которыми столкнулась страна сегодня, являются не столько следствием государственной политики, сколько результатом изменения образа жизни сингапурцев, их отно-

шения к семье, браку. Погоня за экономическим превосходством и вознаграждением, по мнению ряда аналитиков, привела к появлению новой генерации сингапурцев. Хорошо образованные, мобильные, нацеленные на карьерный рост и преуспевание в бизнесе, 20–30-летние молодые люди, в отличие от своих 40–50-летних родителей (так называемое поколение «сэндвич») эгоцентричные, менее чуткие и отзывчивые по отношению к старшим³⁸. У многих в Сингапуре результаты опроса группы пенсионеров вызвали настоящий шок. Из 300 респондентов 92% заявили, что они не намерены жить со своими детьми, поскольку не хотят стать для них обузой и не рассчитывают на их поддержку³⁹. Более достоверное подтверждение тому, насколько кардинально урбанистическая среда изменила характер социальных связей и межличностных отношений трудно найти, если учесть, что при всей специфике города-государства его фундаментом остается азиатское общество с характерной для него системой родственных отношений, включая и веками сохраняемую традицию совместного проживания престарелых родителей со своими детьми. Стоит, вероятно, сказать и о том, что многие сингапурцы планируют после выхода на пенсию переехать на постоянное место жительства в Китай, Австралию и др. страны, где, по их мнению, повседневная жизнь дешевле и спокойнее. Представителям старшего поколения вторят многие молодые сингапурцы, особенно наиболее образованные и профессионально подготовленные, также заявляют о своем желании при подходящем случае покинуть Сингапур. И дело здесь не только в том, что, как они считают, в других странах у них будет большая свобода выбора и простор для профессиональной деятельности. Не последнюю роль в этих настроениях играет нарастающая конкуренция со стороны приезжающих в Сингапур «иностранных талантов».

Подобный настрой граждан поставил под сомнение, как считалось, одно из самых больших достижений политики ПНД, а именно интегрированность общества и устойчивость сингапурского единства. Вероятно, искусственно создаваемая, а потому недостаточно прочная «сингапурская идентичность» под напором новых обстоятельств не сможет стать гарантией долгосрочного «выживания» суверенного Сингапура. Понимая

всю серьезность возникших проблем, в своем новогоднем послании в 2010 г. премьер Ли Сянь Лунг особо подчеркнул, что для его кабинета приоритетом являются интересы и мнения сингапурцев. Поэтому правительство приняло решение установить свой контроль и в дальнейшем не допускать в страну такого многочисленного наплыва иммигрантов, как это происходило в последние годы⁴⁰.

В подтверждение серьезности намерений руководства страны с июля 2010 г. были введены в действие новые правила налогообложения за привлечение иностранных рабочих. Так, за наем неквалифицированного иностранного работника предпринимателям придется платить более высокий налог, чем за мигрантов с рабочими профессиями⁴¹. Предусматривается также, что коренные сингапурцы будут обладать приоритетным правом при получении услуг в таких сферах, как здравоохранение и школьное образование⁴². В любом случае перед руководством страны стоит сложная задача: соблюсти равновесие между политикой превращения Сингапура в открытый и инклюзивный глобальный город для «талантов со всего мира; (Brain Gain City) и сохранением привилегий собственных граждан в контексте формирования «сингапурской идентичности». Недаром, через 45 лет после достижения независимости Ли Сянь Лунг напомнил своим соотечественникам о том, что они все «являются потомками иммигрантов, труду которых Сингапур обязан своим существованием⁴³.

Проблема «новых граждан», безусловно, станет одной из центральных в ходе грядущей подготовки к очередным всеобщим выборам, которые ориентировочно должны состояться в 2011 г. – начале 2012 г. Уже сейчас в обществе циркулирует мнение, что меры правительства по привлечению в страну иностранцев продиктованы не только экономическими, но и политическими соображениями. Ежегодно предоставляя гражданство 20 тыс. иммигрантов, оно таким образом якобы пытается сбалансировать падающую популярность правящей партии среди «коренных» сингапурцев. В подобных суждениях, видимо, есть доля истины. После выборов 2006 г. в стране стало на 70 тыс. граждан больше. Из них 70% получают право голоса. Для города-государства численность существенная и действительно

увеличит число сторонников ПНД.: подавляющее большинство «новичков» пока выражает искреннее восхищение деятельностью правительства ПНД⁴⁴. Думается все-таки, что в преддверии очередных всеобщих выборов, особую актуальность и остроту будет представлять не поддержка новой группы населения, а вопросы взаимоотношений правящей ПНД с оппозицией и обществом в целом. Об этом говорит тот факт, что кризис не стал препятствием для осуществления курса на либерализацию политической системы, к которой сингапурская правящая элита приступила еще в 2008 г. Показательно, что высшее руководство страны в лице премьер-министра Ли Сянь Лунга, министра-наставника Ли Куан Ю – создателя действующей модели власти, на протяжении нескольких десятилетий ревностно охранявшего незыблемость ее устоев, и старший министр Го Чок Тонг единодушно признали, что Сингапур слишком глубоко втянулся в процесс глобализации, который требует не только экономической, но и политической модернизации.

Как заявляют сингапурские лидеры, главная мотивация их действий в этом направлении состоит в том, чтобы идти в ногу со временем и требованиями электората иметь больше возможностей высказывать свое мнение, участвовать в принятии политических решений. Местные обозреватели замечают по этому поводу, что в последние годы по многим насущным проблемам сингапурцы стали занимать более активную гражданскую позицию. Царящие в обществе настроения они выразили предельно лаконично: «Люди хотят, чтобы правительство с ними разговаривало, а не только ставило их в известность»⁴⁵.

Надо сказать, что большую роль в изменении общественного мнения сыграло появление новых средств массовой информации, прежде всего Интернета. С его распространением правительство утратило монополию на информацию и уже не могло принимать решения и действовать без учета разных точек зрения и мнений. В качестве первых шагов на пути демократизации общественно-политической жизни страны в 2008 г. были разрешены уличные протесты, правда, только в «Уголке оратора», снят запрет на фильмы политического содержания, на использование Интернет-ресурсов для размещения в режиме

online материалов политической направленности в ходе проведения предвыборных кампаний.

В начале 2010 г. правительство заявило о своей твердой решимости продолжить политическую модернизацию. «Система должна эволюционировать в соответствии с требованиями времени, а не оставаться статичной или замороженной», – подчеркнул премьер-министр. По его мнению, на это потребуются длительное время, так как задача состоит в том, чтобы обновленная система могла устойчиво и эффективно работать через 30, 40 лет в совершенно ином мире и другом сингапурском обществе⁴⁶. С этой целью в законы о парламентских и президентских выборах будут внесены поправки, среди прочего предусматривающие более широкое представительство в парламенте депутатов, не являющихся членами ПНД. Предполагается, что они займут в парламенте по крайней мере 18 мест за счет увеличения с 6 до 9 депутатов от оппозиции и сохранения схемы назначаемых парламентариев*. Кроме того будет увеличено количество одномандатных округов⁴⁷.

Предстоящие новации нельзя назвать всеобъемлющими. Однако сингапурские прагматики действуют на опережение, эффективно и быстро отвечают на вызовы общества, лишая оппозицию возможности использовать их в своих интересах. В этом, вероятно, и кроется главный секрет 50-летнего пребывания ПНД у власти и тех впечатляющих успехов, которых страна достигла под ее руководством.

Оппозиция в целом разобщена и ослаблена, испытывает финансовые и кадровые трудности и в нынешних условиях вряд ли может представлять серьезную угрозу правящей ПНД. Партиям, в том числе ведущим среди них, Рабочей партии, Народной партии Сингапура, Демократической партии Сингапура, трудно противопоставить что-либо реальным достижениям ПНД. Но если руководство страны действительно пойдет на либерализацию политической системы и снизит запретительные барьеры на деятельность своих политических оппонентов,

* Пока в законодательном органе присутствует 9 назначаемых (или избираемых) парламентариев, которым отводится роль «конструктивной оппозиции».

это в перспективе может внести коррективы в расстановку сил на политической арене Сингапура. Пока, с определенной долей уверенности можно предположить, что Партия Народного действия в ближайшем будущем останется у власти и предстоящие выборы, результаты которых вряд ли у кого-либо вызывают сомнение, станут тому подтверждением. Вопрос заключается в том, насколько убедительной будет победа.

¹ The Straits Times, 18.11.2009.

² The Straits Times, 12.09.2009.

³ The Straits Times, 16.12.2009.

⁴ Ibid.

⁵ The Straits Times, 25.08.2009.

⁶ The Straits Times, 11.09.2009.

⁷ The Straits Times, 23.02.2010.

⁸ The Straits Times, 22.12.2009.

⁹ The Straits Times, 09.08.2010.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² The Straits Times, 26.01.2010.

¹³ The Straits Times, 25.06.2010.

¹⁴ The Straits Times, 26.01.2010.

¹⁵ The Straits Times, 23.02.2010.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ The Straits Times, 01.05.2010.

¹⁸ The Straits Times, 26.01.2010.

¹⁹ The Straits Times, 18.08.2009.

²⁰ The Straits Times, 31.10.2009.

²¹ The Straits Times, 09.09.2009.

²² The Straits Times, 17.08.2009.

²³ Ibid.

²⁴ The Straits Times, 18.08.2009.

²⁵ Ibid.

²⁶ The Straits Times, 25.08.2009.

²⁷ The Straits Times, 30.09.2000.

²⁸ The Straits Times, 27.03.2009.

²⁹ The Straits Times, 24.10.2008.

³⁰ The Straits Times, 25.08.2009.

³¹ The Straits Times, 15.08.2009.

³² Ibid.

- ³³ The Sunday Times.
³⁴ Ibid.
³⁵ The Straits Times, 20.08.2008.
³⁶ Ibid.
³⁷ The Straits Times, 04.09.2009.
³⁸ The Straits Times, 30.09.2009.
³⁹ The Straits Times, 21.08.2008.
⁴⁰ The Straits Times, 01.01.2010.
⁴¹ The Straits Times, 23.02.2010.
⁴² The Straits Times, 24.06.2010.
⁴³ The Straits Times, 01.01.2010.
⁴⁴ The Straits Times, 24.06.2010.
⁴⁵ The Straits Times, 02.08.2010.
⁴⁶ The Straits Times, 26.01. 2010.
⁴⁷ The Straits Times, 12.03.2010.